

Сьюзен ПЕТРИЛЛИ

Бахтин, прочитанный в Италии

1. ОГЛЯДЫВАЯСЬ НА 1970-е ГОДЫ

В течение 1970-х годов вышли в свет итальянские издания сборника работ Михаила Бахтина, появившегося в России в 1975 г.; итальянский перевод назывался «Эстетика и роман». Перевод книги о Рабле 1965 г. вышел у нас под названием «Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса». А по инициативе Аугусто Понцо был также осуществлен перевод трилогии — репринт ее не так давно появился в России под названием «Бахтин под маской» — двух подписных сотрудников Бахтина: итог коллективной работы Кружка Бахтина в 1920-х годах. Таким образом по-итальянски увидели свет *Ф* (1927) и *МФЯ* (1929) В. Н. Волошинова *, *ФМЛ* (1928) П. Н. Медведева, хотя введение из русского издания 1980 г. переведено непосредственно с него, поскольку из английского перевода оно было исключено. В это же время вышли в свет по-итальянски две важные антологии, первая из которых — «Проблемы теории романа» — включает «Эпос и роман» Бахтина, перепечатанный в упомянутом сборнике 1979 г., куда вошла книга 1975 г. *ВЛЭ*. Другая антология — книга «Михаил Бахтин: семиотика, теория литературы и марксизм», в которую вошли критические статьи о Бахтине Вяч. Вс. Иванова, Ю. Кристевой, Л. Сатейки, А. Р. Титанюка и А. Понцо. Эта книга включает также перевод бахтинской работы «Проблема текста» (1959—1961), впервые тогда появившейся в Италии в переводе Николетты Марчиалис. Вопрос о взаимоотношении Лукача и Бахтина, поднятый В. Страдой в его антологии 1976 г., разби-

* Последняя была переведена с английского издания 1973 г. — *Прим. перев.*

рался в специальной статье Чезаре Касесом («Теория романа Лукача и Бахтина»).

Витторио Страда (который способствовал публикации итальянского издания Эйнауди в 1968 г. второго <1963> издания книги Бахтина о Достоевском) следующим образом начинает раздел о Бахтине в упомянутой книге «Проблемы теории романа»:

«На этом месте мы должны были бы закончить наш теоретический роман о теориях романа в России, придя к какому-то заключению, если бы история не имела своих чудес или, если угодно, собственных фантазий. Как в романах Достоевского, так и в теориях романа в России, в 30-е годы произошло неожиданное. Но — в истории все куда причудливее, чем в литературе, — произошло как бы за кулисами, так что немногие тогда обратили на это внимание, и отзвуки этого события были услышаны только через тридцать лет. Имя происшедшему чуду или фантазии — Михаил Бахтин. Понадобился бы новый Диоген Лаэртский, чтобы написать биографию этого мыслителя и ученого, который, живя вдали от шума своего времени, сумел уловить его загадочные ритмы. Бахтин работал с гениальным упорством, оставив громадное наследие, которое лишь сегодня, мало-помалу, становится достоянием мировой культуры после десятилетий молчания, окутывавшего его имя с конца 20-х годов до начала 60-х»*.

2. ИТАЛЬЯНСКИЕ ПЕРЕВОДЫ И ПРОЧТЕНИЯ БАХТИНА С 1980-х ГОДОВ ДО НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ

В течение 1980-х годов творчество Бахтина в Италии было в центре внимания: то было время, когда жизнь Бахтина обрела таки своего Диогена Лаэртского в лице Майкла Холквиста (в сотрудничестве с Катариной Кларк). Между тем первая монография о Бахтине: «Михаил Бахтин: истоки советской семиотики» принадлежит Аугусто Понцо; она напечатана в 1980 г. В этой своей книге А. Понцо анализирует научные работы Бахтина во всей их сложности и в историко-культурном контексте их развития, показывая особенную направленность бахтинского творчества по сравнению с философскими, литературными, психологическими, культурологическими и иными течениями, с которыми Бахтин сталкивается и во взаимоотношении с которыми его исследовательская деятельность приобрела свой собственный об-

* Цит. по: *Страда В. Лукач, Бахтин и другие // Бахтинский сборник* - III. М.: Лабиринт, 1997. С. 44—45.

лик, который не спутаешь ни с каким другим. Монография Понцо — теоретическая, и в этом отношении она отличается от биографической ориентации в монографии Кларк и Холквиста и гораздо шире по охвату, чем монография Цветана Тодорова («Михаил Бахтин: Диалогический принцип»). Книга Тодорова (и то же самое приходится сказать о монографии Кларк/Холквиста, а также о позднее написанной книге Холквиста «Диалогизм: Бахтин и его мир») имеет тенденцию как бы сглаживать творчество Бахтина, что отмечал в своей книге о Бахтине Паоло Яккиа (о которой речь пойдет ниже), видя причину этого в акценте на традиционно-жанровом понятии «диалога», которое тем самым подвергается «опасности превратиться в гегелевскую ночь, в которой все кошки серы и самым важным оказываются уже не различия в диалоге, а диалог как цель сама по себе». Отдавая должное этой критике, мы, однако, должны по достоинству оценить книгу Тодорова за то, что в ней предложено заменить, а пропус Бахтина, подвергшийся злоупотреблению жанровый термин «диалог», на термин «интертекстуальность», притом что последний не сводится к «филологической» интерпретации взаимоотношений между текстом и его источниками (такую замену предлагал Чезаре Сегре), в то время как термин «диалог» сохраняется в качестве особых случаев интертекстуальности. Вместе с тем характерно, что в монографии Тодорова «Рабле» Бахтина и его соображения о материале народной смеховой культуры не подвергаются проверке на достоверность, а то, что сделано Бахтиным и его друзьями по созданию критического марксизма, практически вообще игнорируется.

Учитывая состояние бахтинистики в Италии, которое мы описали, достаточно очевидно, что публикация итальянского перевода (1990) монографии Тодорова (1981) не имела особого смысла: размышления Тодорова более позднего времени значительно превосходили его монографию (см. его статью «Человеческое и междучеловеческое», где он подчеркивает значение дружки/альтериорности в самой структуре идентичности — как момент, совершенно необходимый для адекватного понимания Бахтина). П. Яккиа в вышеупомянутой монографии о Бахтине (1992) специально выделяет важность этой статьи Тодорова, подчеркивая ценность ее по сравнению с монографией 1981 г. Кроме того, нужно иметь в виду, что итальянский перевод монографии Тодорова был освобожден от ценнейшего материала текстов Кружка Бахтина; этот материал занимал половину тодордовской монографии и представлял впервые во Франции неизвестные прежде работы, что было большим достоинством этого издания. Правда, все

эти тексты (за исключением «Предисловия» Бахтина к «Воскресению» Толстого 1930 г.) к тому времени уже были напечатаны в Италии в книге «Язык как социальная практика» (1980), куда вошли статьи Волошинова 1926—1930 гг. Кроме того, в том же 1980 г. были опубликованы по-итальянски еще два текста Бахтина («Ответ на вопрос “Нового мира”» и «К философским основам гуманитарных наук») под общим названием «Наука о литературе и наука о человеке» во втором номере журнала «Scienze umane».

А. Понцо в своей монографии о Бахтине реконструирует историко-культурный контекст, в котором публиковались работы о литературе Волошинова, Медведева и Бахтина; особое внимание он обращает на статью Волошинова, очень напоминающую Бахтина, «Слово в жизни и слово в поэзии». По контрасту с русскими формалистами Волошинов настаивал в этой статье на взаимосвязанной однородности отношений, которые соединяют в большей мере, чем отделяют друг от друга повседневное слово и литературное письмо, под этим углом зрения сосредоточивая основное внимание на специфичности литературного текста. Понцо в особенности выделяет дискуссии по психологии, имевшие место в СССР в 20-е года; это позволяет ему контекстуализировать вклад Бахтина в связи с его критикой «фрейдистской психологии», как это формулировал Волошинов в книге 1927 г. *Ф*. В перспективе этой направленности своего исследования проанализирована в монографии взаимосвязь между Бахтиным и Выготским, а также интерес последнего к психологии искусства. Рассматривая взаимоотношения между Кружком Бахтина и русским формализмом, Понцо пункт за пунктом реконструирует путь, который ведет от анализа Медведевым и Волошиновым идеологического характера словесного материала, которым пользуется писатель, и от понятия «внезаходимости» автора, представленного в ранних произведениях Бахтина, и «изображения» в книге Медведева 1928 г., — к различению между объективным и объектным словом, проведенным в книге Бахтина о Достоевском и позволившем сформулировать понятия «внутренне диалогического слова» и «полифонии», существенные для романа Достоевского.

Специальное внимание Понцо уделяет книге Бахтина о Рабле, в которой различие между «официальной идеологией» и «неофициальной идеологией» (впервые введенное во *Ф*) проводится в связи с народной культурой, карнавалом и взаимоотношением между «высокими жанрами» и «низкими жанрами». Понцо останавливается также на сходствах и различиях между Бахтиным и Владимиром Проппом в плане их интересов и методологий при

изучении культуры. Согласно Проппу, то, что в особенности сближает метод Бахтина с методом Проппа — независимо от того, является ли предметом анализа волшебная сказка, роман, аграрные праздники, язык карнавала или рыночной площади, — это позиция, которую каждый из них занимает против всех форм атомизма. С точки зрения атомизма, изучаемое явление не поддается рассмотрению в своей целостности и в связях с другими целостностями, в которые входит и это целостное явление, так что последнее оказывается чем-то изолированным или же редуцируется к какой-то механической комбинации элементов. Понцо находит подтверждение общности методологий обоих русских ученых в том, как Пропп критикует теорию Веселовского, слагающуюся в сумму мотивов, а Медведев критикует теорию романа Шкловского, у которого роман слагается из нанизывания коротких рассказов, — концепция, игнорирующая органическое единство жанра; далее в том, как понимает Медведев, а в «Достоевском» — Бахтин, литературный жанр: для них он — исходный пункт изучения отдельных элементов художественной конструкции; а также в особом интересе Проппа к соединявшему элементу в волшебной сказке: этот элемент выступает как разные варианты одной и той же модели, некоторой общей структуры.

Наконец, примечательным аспектом исследования Понцо 1980 г. является осуществленная им реконструкция бахтинского понятия «знака», как оно выступает в работах Волошинова, Медведева и Бахтина (включая его монографии о Достоевском и Рабле и сборники его работ 1975 и 1979 гг.). Основной вклад Бахтина в философию языка Понцо видит в следующих моментах: критика дихотомии «langue»/«parole» в «филологическом источке» ее — разрыва, который увиден и осмыслен русским теоретиком в качестве бесплодной и не имеющей ничего общего с пониманием «жизни языка» абстракции; различие между «знаком» и «сигналом»; соответствующее различие между смыслом и значением; исследование взаимоотношения между знаком и идеологией. Понцо возвращается к спору 1950-го года между Сталиным и Марром, относящемуся к теории языка, и надуманному вопросу о том, является или не является язык надстройкой. Согласно Понцо, подход Бахтина к знакам и идеологиям позволяет увидеть, что языковые и знаковые явления в общем и целом определяются не понятием «надстройка», а наоборот, тем, что само понятие надстройки находит свое немеханистическое объяснение посредством изучения вербальных и невербальных знаков, которые неустранимым образом играют посредничающую роль между так называемым «базисом» и так называемой «надстройкой».

Особое значение в этой связи имеют введения к *МФЯ* и первая глава *ФМЛ*.

В том же 1980-м году в Италии вышел в свет отличный сборник статей под редакцией Д'Арко Сильвио Авалле (D'Arco Silvio Avalle), который назывался «Культура русской традиции в XIX и XX веках». В него вошли работы Веселовского, Потебни, Бахтина («Ответ на вопрос...»), Лотмана и др. На страницах 542—545, посвященных Бахтину, Авалле выделяет ряд бинарных оппозиций (эпос/роман, неподвижный/подвижный, трагический/комический и т. д.) в бахтинской концепции литературы, — оппозиции, как он полагает, прослеживаются вплоть до гумбольдтовских категорий «эргон» и «энергейя»; согласно Авалле, «самый слабый аспект» бахтинских теорий — тот, что относится к «культуре комического и карнавала»; здесь же подчеркнуты ссылки Бахтина на Потебню и Веселовского.

Еще ранее Понцо в одной из своих статей («Семиотика и анализ идеологии у Михаила Бахтина») специально исследовал бахтинского «Рабле». В 1980 г. Умберто Эко тоже откликнулся на дискуссию вокруг «Рабле», напечатав после появления итальянского перевода этой книги статью «Рабле Бахтина». Заметим попутно, что в своей оценке «Рабле» Эко обходит полным молчанием то влияние, которое Бахтин оказал на его собственные теоретические построения о литературе, о взаимоотношении автора и героя и в связи с проблемой «границ интерпретации». Среди других статей о «Рабле» следует упомянуть: работу специалиста по французской литературе Джованни Маккиа, работу антрополога Клары Галлини и другую еще статью А. Понцо, напечатанную в соавторстве с антропологом Марией Солимини. Следует упомянуть также статью Франческо Бруни «Критический анализ карнавализации» (1980), напечатанную в журнале в паре с обсуждением ее критиком Массимом Бонафином.

В 1981-м году в журнале «Intersezioni» были напечатаны статья В. Страды «Диалог с Бахтиным» и итальянский перевод, выполненный Klarой Страда-Янович, «Заметок» Бахтина 1970—1971 гг. Тот же текст был позднее включен в итальянский перевод 1988 г. сборника статей Бахтина «Эстетика словесного творчества» (1979); перевод был озаглавлен редакторами этого издания «Автор и герой». По мнению Понцо, первый итальянский перевод этого текста лучше, чем второй: он имеет то достоинство, что проведенное Бахтиным интересное отличие «тишины» от «молчания» (оно проанализировано Понцо в важной статье «Молчание и тишина. Между знаками и отсутствием знаков» в журнале «Paradigmi», 1993, № 33) передано по-итальянски как различие

между *silenzio* и *tacere*, тогда как в издании 1988 г. то же различие передано как *silenzio* и *mutismo*.

В. Страда в «Диалоге с Бахтиным» обращается к переводам книг Медведева и Волошинова, заняв по вопросу о том, что в этих книгах принадлежит Бахтину, а что — нет, позицию, которая с годами становилась все более и более жесткой. Между тем в своем введении в книгу 1976 г. Страда придерживается объяснения, в соответствии с которым Медведев и Волошинов выражают идеи, которые «в своем существе — это идеи Бахтина». Страда утверждал тогда, что Бахтину мы обязаны самой глубокой критикой формализма того типа, как у Шкловского; при этом он цитирует Медведева; он утверждает также, что бессознательное интерпретируется Бахтиным в связи с такими формами неофициального сознания, которые рассматриваются в «Рабле»; и вновь цитирует в своих размышлениях Волошинова. В более поздней статье «Диалог с Бахтиным» Страда все еще не занимает крайне жесткой позиции по вопросу о правах собственности в Круге Бахтина. В этой работе Страда заявляет, что книги Медведева и Волошинова, «появившись в СССР, когда Бахтин был лишен всякой возможности печататься, несомненно, развивают идеи Бахтина, но только в «марксистском» контексте, который не есть контекст Бахтина». По мысли Страды, при более внимательном чтении всех трех книг достаточно очевидно, что марксистский контекст Медведева и Волошинова никоим образом не был «марксизмом в смысле единственно «научного» и, главное, он не был «государственной философией»; скорее это — критический марксизм, который, как прямо заявлено в самих книгах, имел своей целью изучение индивидуального сознания и когнитивных процессов, вербальных и невербальных знаков, а также специфики литературного текста. В «диалогической модели» литературных текстов Бахтина Страда находит два «ключевых понятия»: «большое время» и «внезаходимость», хотя Страде не удается схватить специфику этой модели, как он ни старается проследить аналогии между Бахтиным и неокантианством, хайдеггеровской философией, философией Ганса-Георга Гадамера и — в свете его задачи «рассматривать Бахтина как персоналистского философа» — также творчества Мартина Бубера и, «может быть», Макса Шелера. Как отмечал П. Яккия в своей книге «Введение в Бахтина», Страда просмотрел тот факт, что Бахтин критикует философию Макса Шелера и в особенности Мартина Бубера за полное отсутствие научной строгости.

В том же самом 1981-м году вышла в свет книга Аугусто Понцо «Знаки и противоречия: Между Марксом и Бахтиным». Тео-

рии языка и литературы Бахтина исследуются здесь с целью конструирования теоретической перспективы, посредством которой можно было бы подойти к осмыслению таких фундаментальных вопросов, как «язык», «перевод», отношения с другостью и отношения противоречий. Другой важный аспект этой книги Понцо — конфронтация с Марксом (не прямая, а в связи с рассматриваемыми проблемами), — Марксом, освобожденным от предрассудков и стереотипных интерпретаций, которые критиковал сам Маркс, утверждая, что одно он знает с полной определенностью, именно, что он — не марксист! Особую ценность в анализируемом издании представляют главы: «Полисемия и перевод» (здесь Бахтин сравнивается с Наумом Холмским и Джорджем Станером, автором книги «После Вавилонского столпотворения» 1975 г.); «Марризм и сталинизм в языкознании: ложная альтернатива» (точный и хорошо документированный анализ опубликованного в 1950-м году спора по поводу теорий Марра о языке — спора, в который включился сам Сталин. Понцо заново анализирует эту дискуссию в свете бахтинской концепции языка, в удущение которой марризм внес свою лепту в пору своего господства в СССР, пока он не был дискредитирован лично Сталиным); «Место идеологических моделей Соссюра и Холмского» (обсуждение донаучных и, следовательно, идеологических предпочтений, лежащих в основании лингвистических теорий этих двух авторов); «Манипуляция словом Другого. О форме несобственно прямой речи» (здесь подчеркивается значение третьей части книги Волошинова *МФЯ* — той ее важнейшей части, которая обычно остается без внимания критиков, независимо от того, выступают ли они за или против тезиса об идейно-содержательном единстве и непрерывности между этой книгой и исследовательской работой Бахтина. Третья часть *МФЯ*, действительно, представляется вообще едва ли совместимой с марксистским стереотипом в плане проблем языка и коммуникации); глава «Читая вместе с Выготским и Бахтиным» (здесь по-новому проблематизируется вся та важнейшая теоретическая работа, которая велась Бахтиным и Выготским в 20-е годы по вопросам сознания, языка, литературы и искусства). Наконец, заслуживает упоминания другая еще глава в книге Понцо — «Чужая речь Михаила Бахтина» (первоначально напечатанная в журнале «Alfabeta», январь 1980 г.) — своеобразный манифест против всех попыток втиснуть «Бахтина» в прокрустово ложе каких бы то ни было «t r e n d s», той или иной философской или общественно-идеологической системы нашего времени. Глава эта завершается следующим пассажем:

Что другость, заключенная в слове, составляет существенный элемент у Бахтина, — это можно сказать не только в отношении объектов его анализов. Собственное слово наделено у Бахтина другостью — прежде всего на историческом уровне времени, когда он жил. В 1920-е годы его слово остается «другим» на двух своих полюсах: на одном полюсе в сфере литературных дискуссий в СССР, был формализм, на другом — «марксистская» социология; в области науки о языке на одном полюсе — субъективистический индивидуализм» (Гумбольдт, Фосслер, Кроче, Потебня), на другом — «абстрактный объективизм» (Соссюр 1916 года); его, Бахтина, слово, далее, в той же области науки о языке — между «марксистской» лингвистикой, развивавшейся Я. Марром, и антимарризмом, что было предметом дискуссий в «Правде» 50-х годов; и то же самое — в отношении изучения идеологий, в том, что касается противоборства идеализма и механистического материализма. Слово Бахтина является «другим» также в области психологии, включая официальные теории, которые, запретив работы Выготского, доминируют в сталинскую эпоху; как и к утвердившейся в СССР с начала 1930-х годов официальной позиции по отношению к психоанализу. Та ситуация, можно сказать, обнаруживается во взаимоотношениях между Бахтиным и семиотикой. Если и видеть в Бахтине ее провозвестника, то совсем не в том смысле, чтобы сводить его позицию к тому или другому направлению семиотики — даже в тех случаях, когда сами представители ее (Лотман, Иванов и др.; так называемая Тартуская школа) упоминаются Бахтиным; и здесь сохраняет свою силу «другость» Бахтина: его теория социального, идеологического и в особенности словесного знака реально значима не в качестве некоторого знака конфронтации, верификации или проблематизации официальной — как западной, так и советской, — семиотики, ее соссюровских, пирсовских, моррисовских, гуссерлевских или иных матриц, а скорее как элемент подтверждения или предвосхищения*.

«Михаил Бахтин» — название статьи Ремо Факкани, который вместе с Марио Марцадури является соавтором раздела «Семиотика в СССР» в книге 1979 г. «Семиотика в славянских странах».

Что касается 1982-го года, то книгой этого года в интересующем нас отношении является «Время и знак» Патриции Калефато (Patrizia Calefato); книга эта вышла первой в издаваемой А. Понцо и Марией Солимини серии «Знаки знаков». В одном из разделов своей книги, «Праздник и игровое время у Бахтина», Калефато сталкивает бахтинскую позицию с господствующим на Западе представлением о времени, основанным на кумулятивной истории: в соответствии с этим представлением опыты, которые переживает субъект, происходят линейно, по установившейся схеме идеи прогресса, скорости и антиципации.

* *Ponzio A. Segni e contraddizioni. Tra Marx e Bachtin. Verona, 1981. P. 150.*

В том же 1982-м году появилось второе издание в высшей степени важной книги «Идеология», написанной философом языка Ферручо Росси-Ланди (Ferruccio Rossi-Landi); один из разделов книги называется «Язык и идеология у Бахтина и Волошинова» (с. 192—203). Росси-Ланди отмечает, что крупнейшим достоинством текстов Бахтина, Медведева и Волошинова является сигнализированная ими потребность в новом, творческом марксистском подходе к проблемам языка, идеологии и взаимоотношениям между ними, констатация того, что во всех областях наук об идеологиях, которых лишь слегка коснулись или вовсе оставили без внимания Маркс и Энгельс, прочно утвердились механистические категории.

«Трилогия» Понцо, включающая три вышеупомянутые книги, опубликованные одна за другой, содержат очень большое число ссылок на Бахтина не просто как на непосредственный предмет изучения, но еще и как на теоретическую позицию, в соответствии с которой проблемы философии языка, теории текста и теории литературы предстают в новом свете. Понцо соотносит вклад Бахтина с Роланом Бартом, Юлией Кристевой, Жаком Деррида, Морисом Бланшо и Эммануэлем Левинасом. Другая достойная упоминания публикация — это коллективный труд «Полифония» под редакцией А. Понцо; в отношении этой книги я лишь ограничусь указанием на последнюю статью — «Полифония Кьеркегора», в которой метод Бахтина удостоверяется на примере «внезапности автора» — позиции, которой Кьеркегор достигает с помощью приема плюро-псевдонимности.

В 1983-м году выпуск 7-й журнала «Метаморфозы» под общим названием «Язык. Тело. Праздник. К переосмыслению тематики Михаила Бахтина» был целиком посвящен Бахтину, причем статьи, вошедшие в это издание, относятся к различным профессиональным областям: от истории народных традиций и этнологии до медиевистики, философии и теории литературы, от испанистики до славистики и т. д. Стоит упомянуть статью Пьетро Клементе (Pietro Clemente), который исследует феномен карнавала в фольклористике, сталкивая подход Бахтина с Фрезером, ван Геппеном и Карлом Барохой. В этой работе выражается необходимость в таких прочтениях карнавала, которые придерживались бы конкретных явлений, но в то же время были бы не лишены теоретической последовательности. Определенный интерес в этой подборке статей представляет статья Амедео Вигорелли, позиция которого — против «возрастающего ограничения социалистического сознания рамками сознания «рабочего» — сознания, которое осуждает не только «игры», но и все неэкономиче-

ские аспекты революционно-освободительного сознания». В противоположность такого рода позиции Вигорелли пишет о Бахтине — и это совершенно точный выбор действительно другой принципиальной позиции; концепция карнавала, как она выражена в «Рабле», представляет собою сущностно-человеческую модель, где человечность значима как цель в себе и как альтернатива господствующему мировоззрению, — мировоззрения, которое льет на мельницу капиталистического способа производства. Прочтение Вигорелли Маркса, однако, выдает стереотипы интерпретации, характерные как раз для экономического подхода. Измерение, которое совершенно выпало из поля зрения автора, — это гуманистическая концепция Маркса и ее центральный пункт: освобождение человека от работы в той ее форме, в которой труд существует, и от противоречия, связанного с этим и выражающегося в чередовании рабочего и свободного времени. Мы имеем в виду освобождение человека от работы как центральную среди всех его потребностей, — таково условие наступления «действительного царства свободы» («Капитал», книга III); а также противопоставление подлинного богатства свободного времени (когда оно становится доступным всем вследствие социальной реорганизации и переосвоения автоматизации — «К критике политической экономии») — псевдобогатству, которое приносит работа.

Другая статья того же сборника, заслуживающая быть упомянутой, — статья Альберто М. Собrero, который исследует применение Бахтиным «телеологического метода» на протяжении всей его творческой деятельности, а в центре творчества Бахтина, несомненно, — смысл и цель человеческого действия, ведь именно они заключают в своей основе диалогичность и вневходимость. Собrero также настаивает на «интеллектуальной автономии» Бахтина, «которую лишь отчасти можно объяснить изоляцией и молчанием, к каковым принудили его события в Советском Союзе». Наконец, нельзя не упомянуть обзор в том же специальном номере журнала — «Бахтин и его Кружок» Николетты Марчиалис: автор рецензирует литературу, посвященную работам Кружка (Медведев, Волошинов, Л. В. Пумпянский, М. И. Каган) а также приводит список научных работ Бахтина в порядке их опубликования в соответствии с их итальянскими переводами до 1981-го года.

В 1983-м году в Квинском университете в Кингстоне (Онтарио, Канада) состоялась по инициативе Клайва Томсона Первая международная конференция, посвященная Михаилу Бахтину; итальянскими участниками были А. Понцо и Симонетта Сильвестрони, напечатавшие в 1979 году совместную статью в журнале

«Il Ponte». Не присутствовавший Р. Факкани прислал статью под названием «М. Бахтин и “обериуты”», в которой анализируется тезис А. А. Дорогова о связи между идеями Бахтина и русским авангардным литературным движением «ОБЕРИУ». С. Сильвестрони выступала с докладом «Бахтин в советской и западноевропейской семиотике», А. Понцо — с докладом по-французски «Другость и письмо у Бахтина». Это выступление, напечатанное в 1984-м году, содержит в себе ядро всей последующей работы Понцо как о Бахтине, так и по общетеоретическим проблемам, в основном по философии языка и теории литературы.

В 1984-м был собран и в следующем году напечатан объемистый том «Статьи о Бахтине» (434 страницы) — он вышел в свет как отдельный выпуск журнала «Воображение и отражение». Это издание включает как итальянские, так и зарубежные работы, а также библиографию под редакцией М. Бонафина итальянских публикаций текстов Бахтина и о Бахтине вплоть до 1984 г. Итальянские авторы этого издания — Карло Аркури, Джиган Карло Белетти, А. Понцо «“Другость” у Бахтина, Бланшо и Левинаса» (текст выступления на Второй международной конференции по Бахтину в Кальяри в 1985-м году) и Н. Пасеро. Последний написал и введение к этому изданию, которое представляет особый интерес. Пасеро подчеркивает важность понятия «внезаходимость» у Бахтина, которое он кладет в основание своего прочтения бахтинских работ во избежание стереотипов и скороспелых интерпретаций, подчас встречающихся в итальянских рецепциях русского теоретика. Пасеро в частности говорит, что «если бы мы пожелали применить саркастическое замечание Маркса о том, что он не «марксист», к Бахтину, то нам пришлось бы услышать из его уст интересные соображения по поводу того, что сегодня выдает себя за «бахтинское» на культурном рынке». Предложенное Пасеро истолкование взаимоотношения между Бахтиным и марксистской мыслью в его вступительной статье («Диалектика как фигура: импликации марксизма в “Рабле” М. Бахтина») тоже в своем роде знаменательна. Автор выдвигает в центр своего рассмотрения критику Бахтиным монологической диалектики — диалектики, кульминацией которой является диалектический синтез. Эта критика дает автору статьи основание отнести Бахтина к «гетеродоксам», «еретическим» марксистам, для которых диалектика и марксизм — это непрерывное и радикальное вопрошание официальных и монологических истин.

В своем тексте «Чего Бахтин не сказал. Истоки средневекового романа» Ч. Сегре (C. Segre) подвергает критике концепцию

романа Бахтина за то, что в центре внимания этой концепции оказывается средневековая пародия и полифония, а не средневековое повествование: «Бахтин, оторвав историю полифонических процессов от истории повествовательной интенции, связывает с категориями полифонии такие явления, которые имеют различное происхождение и функции». По мнению Сегре, Бахтин смешивает взаимоотношение «автор-герой», необходимое для повествования, с проектом описания языковых стратификаций в обществе. Такая интерпретация взглядов Бахтина на роман и его диалогической концепции слова в высшей степени спорна и, надо полагать, является следствием жестко классифицирующего подхода, которым пользуется этот филолог. Закоснелость филологических категорий дает о себе знать и в том, как Сегре понимает «интертекстуальность» (ср. его выступление в Итальянской ассоциации, семиотических исследований в 1982 г.). Согласно Сегре, термин «интертекстуальность» нужно сохранить, чтобы лучше понять взаимоотношения между текстом и его источниками, тогда как в остальном его, термина, семантическое содержание относится к «вмешательству» (при взаимоотношениях между двумя авторами) и «интердискурсивностью» (при взаимодействии дискурсивных сфер социальных групп). Между тем, сам Бахтин никогда не употреблял термин «интертекстуальность», хотя он и говорит об исторической взаимосвязи между текстами, внося при этом значительный вклад в дело преодоления «филологического» предрассудка, сложившегося вокруг понятия «интертекстуальность» (см. обсуждение этих вопросов в статье А. Понцо «Семиотика и методология в философской историографии. Аспекты проблемы интертекстуальности», 1983). Сокращенный и измененный вариант этого выступления Сегре можно прочесть в коллективном сборнике «Il dialogo», где оно озаглавлено «Диалогизм в средневековом романе».

В книгу Сегре «Театр и роман» (1984) входит другая еще его работа, посвященная Бахтину: «Точка зрения и полифония в нарратологическом анализе», опубликованная впервые в 1981 году, в которой Сегре-филолог обсуждает типологию слова, представленную в итальянском переводе «Достоевского» — представлена, надо сказать, довольно неудачно.

Фактически «объектное слово» в бахтинском смысле, как объект изображения, Сегре смешивает с объективным словом; возможно этим объясняется недоразумение, которое состоит в том, что Сегре понимает объектный тип слова в смысле отношения такого слова к объекту.

Сошлемся в этой связи на статью А. Понцо, цитированную выше, «Семиотика между Пирсом и Бахтиным», для того чтобы подчеркнуть различия между двумя авторами, указанные уже в заглавии этой работы, несмотря на целый ряд общих моментов. Как Пирс, так и Бахтин помещают «другость» в самую сердцевину идентичности знака, что требует, как об этом говорит Понцо, «интерпретации в ответном понимании», а не только «идентификации». С другой стороны, семиотика Пирса в основе своей «когнитивна», т. е. определяется теорией сознания, тогда как теория знака Бахтина больше связана с литературой — не в том смысле, что она прилагается к литературе, а в том, что литература сама становится здесь точкой зрения теории.

Вторая Международная бахтинская конференция, организованная в Кальяри в 1985-м году Сильвано Тальягамбе и Симонеттой Сильвестрони в 1985-м г., называлась «Бахтин — теоретик диалога»; материалы конференции были опубликованы отдельной книгой в 1986 году. В выступлениях Сильвестрони («Диалог, граница, хронотоп в мышлении Бахтина»), Тальягамбе («Происхождение идеи хронотопа у Бахтина») и Марчиалис («М. Бахтин и А. Ухтомский») бахтинская теория диалога рассматривается в связи с идеями В. И. Вернадского (которому мы обязаны понятием «биосфера») и воззрениями А. А. Ухтомского (у которого Бахтин заимствует понятие «хронотоп»). В материалы конференции, опубликованные в упомянутой книге, включены еще одна статья Сильвестрони и еще одна статья Тальягамбе о Бахтине и теории диалога в современном естествознании и гуманитарии. Другие выступления итальянских исследователей, вошедшие в книгу «Бахтин — теоретик диалога», таковы: статья Марио Доминикалли, в которой в основном анализируются «Поминки по Финнегану»; статья Франко Короны, проанализировавшего различные выступления на самой конференции в свете понятий «диалог», «интертекстуальность» и «другость»; другие выступления принадлежали Кристине Лавинио, Марчелло Лостиа, Елене Сало Ди Феличе и музыковеду Марии Делогу, наконец, А. Понцо, который в вышеупомянутой работе о «другости» объединяет свои исследования о Бахтине и Левинасе*.

* Монография Понцо об Эммануэле Левинасе — вообще первая книга об этом философе (1967). В настоящее время она переиздана в расширенном виде и с учетом самых последних работ Левинаса, тогда как ссылки на Бахтина, наоборот, больше относятся к ранним его работам. См.: *Ponzo A. Responsabilita e alterita in E. L̄vinas*. Milan: Jaca Book, 1995.

Выступление Понцо позднее вошло в его книгу «Философия языка 1», вместе с работой «Отнятие и другость», в которой диалогика Бахтина сталкивается с семантикой Пирса. Такая двойная соотнесенность легла в основу самой формы другой книги, «Диалог о диалоге», написанной тем же автором в сотрудничестве с Массимо А. Бонфантини. Книга А. Понцо «Интерпретация и письмо» тоже посвящена взаимоотношениям между семиотикой Пирса и философией языка Бахтина; здесь в центре внимания — язык и диалог с точки зрения «литературного пространства». Ссылки в этой книге вновь и вновь возвращаются к знатоку «другости» Левинасу, который особенно близок Понцо. Статья Джузеппе Монтароссо «Общая эстетика и вопрос о другом у М. Бахтина» в *Revista di estetica* (1991. № 38) носит описательный характер и в основном повторяет то, что мы уже знаем о Бахтине, но совершенно не учитывает литературы о нем; этим, вероятно, объясняется то обстоятельство, что автор как ни в чем не бывало, выражает надежду, что кто-нибудь когда-нибудь сделает попытку сопоставить и противопоставить Пирса и Бахтина!

В 1986-м году в Италии появляются в переводе статьи Бахтина о Толстом. Довольно странно, что В. Страда, редактор издания, говоря о существующей литературе о Бахтине, называет только две из написанных к тому времени монографий — Тодорова и Кларк/Холквиста. Еще более странно, что в своем «Введении» Страда, вновь тематизируя оппозицию: Бахтин—Лукач, на этот раз прибегает к новой оппозиции и новой редукции, а именно: неокантианство (Бахтин) — неогегельянство (Лукач). К этому прибавляется также рассмотрение религиозности Бахтина как якобы существенного аспекта. Для подтверждения своего тезиса о религиозности Бахтина Страда (то ли на основании доброй, то ли дурной веры) использует пассаж из работы «Автор и герой в эстетической деятельности» (1922), который не имеет ничего общего с религиозностью Бахтина и с его критикой марксизма и социалистического реализма, хотя Страда настаивает на том и на другом. Отрывок из упомянутого раннего исследования взят из четвертого раздела, где «стиль» понимается как «единство приемов оформления и завершения героя и его мира и обусловленных ими приемов обработки и приспособления (имманентного преодоления) материала» (Э, 175). Различные модальности в презентации стиля, то есть во взаимоотношении автора и героя, производятся в зависимости от того, насколько отчетливы и определены границы между жизнью, традицией и внелитературными ценностями, с одной стороны, и позицией «внезаходимос-

ти» — с другой. Когда эти границы начинают колебаться или разлагаться, когда отсутствует спокойная уверенность на уровне ценностей, и вместо этого появляется пустота и глубокое недоверие ко всем формам вневходимости там, где дело идет о переживаемой жизни, — переживаемой единственно и только изнутри, — тогда позиция эстетической вневходимости тоже колеблется и разлагается, и функция автора оказывается в кризисе. И так же, как обстоит дело о эстетизмом, функция героя, лишенного теперь дистанции по отношению к автору, тоже оказывается в кризисе. Художественное создание требует дистанции, опосредования, точки зрения другого: «<...> нельзя творить непосредственно в Божьем мире; но эта специализация ответственности может жить только на глубоком доверии к высшей инстанции, благословляющей культуру, доверии к тому, что за мою специальную ответственность отвечает другой — высшая инстанция*, что я действую не в ценностной пустоте. Вне этого доверия возможна только пустая претензия» (Э, 179). Цитированный отрывок, вырванный из контекста, рассматривается В. Страдой в качестве «скрытой основы мышления Бахтина как молодого, так и в последующие периоды» интерпретируется следующим образом: «Для Бахтина, таким образом, “социалистический реализм” с его идеологией были “пустыми претензиями”, тщетной и трагической попыткой заменить “высшую инстанцию”** на ее земную карикатуру». — Поистине неисчерпаемы возможности интерпретации!

Другая статья Понцо, «Воображение автора» (1987), имеет своим предметом вышеупомянутое различие между объективным словом и объектным словом, причем последнее рассматривается в различных литературных жанрах в зависимости от степени диалогичности с учетом взаимоотношения: автор-герой.

В 1988-м году вышла в свет «Эстетика словесного творчества» на итальянском языке под вышеупомянутым названием «Автор и герой». Во введении к этому изданию В. Страда интерпретирует понятие «архитектоника» (как употребляет его Бахтин, чему Холквист придает большое значение) в смысле формообразования; и, возвращаясь к вопросу о связи между исследовательской работой Бахтина и рядом книг и статей 20-х годов, подписанных Медведевым и Волошиновым, Страда утверждает, что связь эту можно рассматривать как «своего рода пристройку для слуг, снабженную, правда, украшениями из господского дома».

* Итальянский перевод: *instanza suprema*.

** «Highest order» в английском переводе.

На конференции по философии в Бохуме в 1988 г. Италию представляло выступление Понцо и Анжелы Бьянкофьоре «Dialogue et altérité dans les genres littéraires» *, которая напечатана теперь в книге «Анализ диалога» («Dialoganalyse»).

Следующая международная конференция по Бахтину была организована в Урбино (Италия) в 1989 году Международным центром семиотики и лингвистики; называлась она «Бахтин и семиотика дискурса». Среди участников были М. Холквист, К. Томсон и Ирис Завала; из итальянцев докладчиками были: А. Понцо в соавторстве с А. Бьянкофьоре («Диалог, смысл и идеология»); С. Петрилли («Диалог и хронологическая дружба»), в выступлении которой Бахтин противопоставлялся понятию «Significs», разработанному английским ученым Викторией Уэлби; П. Яккиа («Бахтин и марксизм»); наконец, Донателло Феррари-Браво («Концепция слова у Бахтина и Флоренского»).

В 1990 году появляется новая книга А. Понцо «Человек как знак» (Man as a Sign), которая, хотя в нее вошли переработанные варианты прежних выступлений и работ автора, первоначально напечатанные по-итальянски, не имеет итальянского аналога в виде отдельной книги. Бахтин присутствует в этой книге в связи с некоторыми категориями развиваемой Понцо знаковой теории: таково понятие «ответное понимание» (или «ответственное понимание»), а также различие между знаком и сигналом. Бахтин здесь также служит непосредственным предметом анализа опять-таки в сопоставлении с Левинасом и Пирсом, а также с Росси-Ланди, Шаффом и Уэлби. Поставив Бахтина в связь с Пирсом и Росси-Ланди, Понцо намечает направление, которое позволило бы со временем преодолеть семиотику кода. Книга эта включает приложение, написанное С. Петрилли «Проблема обозначающего у Уэлби, Пирса, Вайлати и Бахтина»). Помимо этой книги 1990 год был примечателен, в интересующем нас отношении, книгой С. Segre «Мир снаружи», в которой разбросаны интересные соображения о Бахтине.

В 1991 году Понцо напечатал еще две книги, в которых бахтинская мысль играет ведущую роль как в смысле общей перспективы, так и в смысле предмета исследования. Первая из них, «Диалог и повествование», объединяет главы: «Акробат и его тень», «Диалог и повествование», «Дружба и исток творчества», «Диалог между Руссо и Жан-Жаком». Вторая книга «Философия языка 2» включает третий раздел, «Смысл и ценность между идентичностью и дружбой», специально посвященный Бахти-

* «Диалог и дружба в литературных жанрах». — *Прим. перев.*

ну, хотя Бахтин так или иначе присутствует на всем пространстве этой книги, начиная с раздела «Знак и идеология» и кончая разделом «Архитектура и метод».

В 1991 году появились и другие итальянские работы по бахтинской проблематике: статья С. Сильвестрони «Пространственно-временные механизмы в художественных текстах и в реактивных процессах психики», где содержатся ссылки на Бахтина; статья П. Яккиа «Специфика и историчность в художественном творчестве: Бахтин в 1924—1975 гг.» и написанное В. Страдой «Введение» к выполненному Федерико Пелицци переводу монографии о Бахтине Кларк и Холквиста. Страда в этой своей работе, говоря о себе в третьем лице, рассказывает о том, каким образом решение Бахтина переписать свою монографию о Достоевском было связано с решением самого Страды опубликовать книгу Бахтина в Италии; дело выглядит так, что это благодаря Страде книга о Достоевском увидела свет в России в 1963 г. вторым изданием. Рукопись, сообщает он, была передана ему в 1962 г., но по техническим причинам, связанным с трудностями перевода, монография была опубликована по-итальянски только в 1968 г. Далее Страда возвращается к своей навязчивой идее «воздать Бахтину то, что принадлежит Бахтину, а Волошинову и Медведеву — то, что принадлежит им». Страда странным образом убежден, что отделять «собственное» слово от слова «другого» значит соблюдать «филологическую верность» (хотя это явным образом спорно как раз на филологическом уровне) и быть «продуктивно бахтинским, а если этого разделения не проводить, то в таком случае Бахтин “монологизируется”»(?).

Из опубликованного в 1991 году заслуживает упоминания также книга С. Тальягамбе «Современная эпистемология», в которой о Бахтине говорится в связи с проблематикой текст/контекст. В следующем, 1992-м, году вышли в свет две монографии о Бахтине: «Введение в Бахтина» П. Яккиа и «Между семиотикой и литературой. Введение в М. Бахтина» А. Понцо. Первые три главы книги Яккиа освещают становление и творческое своеобразие Бахтина как ученого таким образом, что русский мыслитель предстает во взаимосвязи с другими философскими традициями и литературно-эстетическими теориями, которые он по-настоящему изучал, сохраняя в то же время свою дружость по отношению к другим. Четвертая глава посвящена критической методологии, которой пользуется Бахтин в своем анализе художественного произведения. Это позволяет автору монографии выявить такие аспекты, как взаимосвязь художественной специфики и историчности, понимание формы, анализ содержания и историческая

реконструкция художественного произведения. В последних трех главах книги Яккия бахтинская методология конкретизируется в отношении теории и истории романного жанра и применительно к двум великим монографиям — о Достоевском и Рабле, — в которых нашла свое воплощение эта методология. В конце книги дана хронология жизни и трудов Бахтина, излагается и обсуждается литература о нем и прилагается большая аннотированная библиография. Особого внимания заслуживает та сторона бахтинской мысли, которая связана с отношением к марксизму, — сближение, важное как внутри бахтинистики, так и в более общем контексте сегодняшнего идеологического сознания.

В отношении к марксизму, как можно заметить, проявляется свойственная Бахтину оригинальность, самостоятельность и способность к изобретательным новациям. В наше время вопрос состоит не в том, чтобы «делать из Бахтина Маркса», как выражается В. Страда (в упоминавшемся выше «Введении» к статьям Бахтина о Толстом), а скорее уж о «бахтинизации» марксизма в перспективе новой формы гуманизма (наподобие того, что был предложен Адамом Шаффом в его «Экуменическом гуманизме»). Мы имеем в виду «гуманизм другой» (Левинас) — понятие, которое ставит вопрос о судьбе западной цивилизации и самой жизни на нашей планете (см. в этой связи статью А. Понцо 1990 г. «Бахтинская дружба и поиск идентичности в Европе сегодня»).

В своей книге о Бахтине 1992 года Аугусто Понцо возвращается к темам своей монографии 1980 года, развивая содержащиеся там положения и дополняя их написанными за протекшее время работами. Книга эта состоит из двух разделов: 1) «Специфика литературного ряда» и 2) «Сюжет, знак, идеология». Ценность и своеобразие исследовательской деятельности Бахтина выявляются во всей своей сложности, что выгодно отличает монографию от других исследований о Бахтине, в которых скорее отсутствует понимание сложной новизны его идей. Такие исследования, хотя они и задевают важные проблемы, зачастую не вполне адекватны, поскольку в них бахтинская мысль так или иначе связывается с интересами какой-нибудь отдельно взятой научной дисциплины, а значит, с теми или иными частными вопросами. И точно так же неадекватными оказываются реконструкции исторического или биографического порядка, несмотря на то, что значение такого рода реконструкций совершенно неоспоримо для понимания формообразующих процессов научно-исследовательской работы Бахтина. С другой стороны, позиция Понцо по существу своему — теоретическая позиция: она обращена к проблемам, в кругу которых складывались работы Бахтина. Понцо оценивает

эти работы как в свете сегодняшних проблем литературной теории, так и под углом зрения семиотики — области, с которой Бахтин связан непосредственно, как связан он и с другими гуманитарными дисциплинами, всегда присутствующими в контексте его мышления. На этом основании в дополнение к тому, что Понцо локализует бахтинскую мысль в идеологически-теоретическом контексте прямых или косвенных ее ссылок, — он еще и сталкивает ее с такими направлениями, которых Бахтин непосредственно не имел в виду и которые связаны с такими именами, как Пропп, Пирс, Левинас, Бланшо и Холмский. Такие сближения и противопоставления имеют решающее значение при определении глубинных импликаций бахтинской мысли в ее разнообразных аспектах и при полном осознании ее актуальности и способности к новациям. Монография Понцо — незаменимое руководство для всякого, кто захочет по-настоящему понять Бахтина, а также для всякого, кто по роду своей деятельности связан сегодня с теми или иными конкретными областями наук о языке и о литературе и с гуманитарными науками вообще, кто заинтересован в том, чтобы не упустить из виду вклад Бахтина в гуманитарное мышление.

Бахтину посвящается также часть VI написанной А. Понцо по-французски книги «Производство языка и социальная идеология» (в соавторстве с А. Бьянкофьоре).

В 1993 году вышел в свет итальянский перевод текста Бахтина начала 20-х годов в издании «Русские мыслители двадцатого века»; русский публикатор С. Г. Бочаров озаглавил этот фрагмент «К философии поступка»; соответственно, англоязычный перевод Вадима Ляпунова назван «Toward a Philosophy of the Act», а итальянский — «Per una filosofia dell'atto», что довольно неудачно, поскольку в Италии такое заглавие неизбежно вызывает ассоциации с активизмом идеалистической (и фашистской) философии Джованни Джентиле. В отличие от итальянского, английский перевод содержит комментарии С. С. Аверинцева, переведенные вместе с примечаниями Ляпунова, а также информативное введение, написанное С. Г. Бочаровым для русского издания. В рукописи Бахтина сразу же за этим текстом идет первая глава «Автора и героя в эстетической деятельности», которая, поскольку она дошла до нас в неполном и фрагментарном виде, не была включена ни в русское издание 1979 г., ни в соответствующее итальянское издание «L'autore e l'eroe» 1988 г.

Этот «фрагмент» из первой главы «Автора и героя...» теперь включен в изданную под редакцией Понцо и Яккиа книгу итальянских переводов Бахтина. Книга эта, «Бахтин и...» состоит из

двух частей: 1. «Бахтин и...», 2. «Символ, ценность, другость». В дополнение к переводу «фрагмента» во вторую часть включены также «Заметки» Бахтина, впервые опубликованные по-итальянски Рафаэлой Далли Венери; перевод сделан с русского издания 1986 г., которое называлось «Литературно-критические статьи». Во вторую часть книги «Бахтин и ...» вошла очень бахтинская по духу статья С. С. Аверинцева (который вместе с С. Г. Бочаровым готовил к публикации ряд работ Бахтина) «Символ», на которую сослался Бахтин в последней написанной им работе, «К методологии гуманитарных наук». Каждой переведенной в этой книге работе предшествует небольшое вступление, написанное А. Понцо.

В первой части «Бахтина и...» русский ученый сопоставляет с другими важными фигурами на культурной сцене нашего времени (что и выделено в заглавии книги): таким сопоставлениям и посвящены статьи А. Бьянкофьоре, П. Калефато, П. Яккиа, Романо Луперино, С. Петрилли, А. Понцо и Марио Валенти. Статья Понцо «Письмо, творчество, другость» посвящена взаимоотношению Бахтина и Левинаса — тема, которая была в центре еще его выступления «Гуманизм Другого» на международной конференции по Бахтину в Манчестере в 1991 году, которое было написано по-английски и было прочитано тогда по-испански Ирисой Завалой из-за отсутствия автора. Тема эта стала основой книги Понцо 1994-го года «Письмо, диалог, другость: Между Бахтиным и Левинасом». По мысли Понцо, теория познания, «философия языка», нравственная философия и литературная критика — все они соотносятся, как в поперечном сечении, с понятием «другость» в мышлении как Бахтина, так и Левинаса. В книге Понцо эта гипотеза обсуждается и транслируется в теоретический анализ и в литературно-критические прочтения.

В 1994 году появилась еще одна книга, имеющая отношение к нашей теме: это — «Основания философии языка» А. Понцо, П. Калефато, С. Петрилли. В этом издании много ссылок на Бахтина, включая предложенную им самим «Философию языка» (см. в особенности разделы: «Языковая компетенция, коммуникация и языковое сознание», «Язык и идентичность», «Диалог», «Язык и литературное производство», «Язык и тело», «Философия языка и язык философии»). В заключение нужно упомянуть другую недавнюю исследовательскую инициативу — появление в испаноязычном журнале «Eutopías» специального выпуска из трех статей под названием «Tres miradas sobre Bajtin» («Три взгляда на Бахтина»), которые первоначально были прочитаны в каче-

стве докладов на Семинаре по Бахтину в Мадридском университете в июле 1994 г.: «Тишина и молчание: Между знаками и не-знаками» А. Понцо, «Бахтинские категории литературы в свете новой философии языка» С. Петрилли, а также доклад Мерседес Арриага.

1996

Перевод В. П. Ганнушкина

